

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

ПУТЬ ОТЪ КАИРА ДО СУЭСА.

А П Р Ъ Л Ъ

19, Четвертокъ.

До восхода солнца я готовъ былъ въ путь на Синай. Душа моя стремилась къ Богу; и я уединился въ благолѣпномъ храмѣ Патріархіи и, преклонивъ колѣна предъ образомъ Спасителя, поручилъ себя его святой волѣ и милосердію, а облобызавъ ликъ Богоматери, мысленно воззвалъ къ ней: Пресвятая Дѣва! ты превозмогла всѣ труды и опасности въ шествіи твоёмъ сюда по пустынямъ. Подражаю терпѣнію твоему и укрѣплюсь вѣрою твоею на предлагаемомъ мнѣ пути.

Изъ храма я возвратился въ патріаршія горницы и тутъ засталъ здѣшнихъ друзей своихъ. Они пришли напутствовать меня своими благожеланіями и совѣтами. Сердце мое благодарило ихъ и любило.

Насталъ часъ путевый. Всѣ мы поѣхали къ Синайскому подворью. Тутъ у воротъ ожидали насъ

частные старцы и отправились съ нами за городъ. Напрасно я уговаривалъ одного изъ нихъ, девяностолетняго инока Симеона, остаться дома: онъ не послушалъ меня. Любовь его умастила мою душу. Онъ ознакомился со мною въ Сирійскомъ городѣ Триполи, въ Ноябрь 1843 года.

Скоро промчались мы на проворныхъ ослахъ за ворота Каира и прибѣжали къ мѣсту, называемому Иеркетъ Ель-Хаджъ, что значитъ, прудъ поклонниковъ, гдѣ поджидалъ меня расторопный переводчикъ мой Коптъ Ибрагимъ въ кругу навьюченныхъ верблюдовъ. Тутъ я простился съ добрыми старцами. Наше прощаніе было молитвенное, братолюбивое, речное, съ святымъ лобзаніемъ.

Наступилъ осьмый часъ по полуночи. Я со спины моего наклонившагося Бедуина влезъ на высокаго верблюда, и легъ въ финиковой плетенкѣ подъ погонянымъ навѣсомъ, привязанной поперекъ сего стыннаго животнаго. Старцы еще разъ простились со мною; и поѣздъ мой двинулся по дорогѣ поклонниковъ, (Дербъ ель-Хаджъ). Было вѣтренно и холодно.

Лежу. Подо мною тяжелый верблюдъ ступаетъ и больно мечетъ меня то въ одну, то въ другую сторону, какъ воду въ кожаномъ мѣху. Мнѣ больно; а знаю, какъ облегчить свою боль. Хватаюсь руками за обручъ плетенки; но руки отрываются отъ верблюда. Сажусь на край ея и кладу ноги на шею вер-

блюда: но голова моя стучится о твердый навѣсъ. Дала мнѣ знать себя верблюжья ходьба! что шагъ, то боль!

Поѣздъ мой тянется гусемъ, и то — искривляется, то — выпрямляется. Сѣдоки качаются взадъ и впередъ. Холодный и рѣзкій вѣтеръ бушуетъ въ пустынѣ и мчитъ по землѣ густой туманъ. Крупный песокъ сѣчетъ лице. Камешки хрустятъ подъ тяжелыми, но мягкими ступнями верблюдовъ. А мнѣ больно. Колыхаюсь, крѣплюсь, молчу, терплю и наблюдаю надъ собою и надъ тѣмъ, что вижу.

Плодородныя поля, нивы и сады за нами; мертвенная пустыня передъ нами. Смотрю вдаль и вижу лишь песчаные бугры на песчаной равнинѣ, усѣянной разноцвѣтными камешками.

Страдаю и чувствую свое страданіе. Душа, какъ соглядатай, видитъ судорожное движеніе тѣла и подкрѣпляетъ его силою воли своей.

Вспоминаю Агарь и Измаила, томившихся въ пустынѣ, Ревелю, Лию и Рахиль, путешествовавшихъ на верблюдахъ; и это воспоминаніе служитъ мнѣ укоризною въ малодушіи, облегчаетъ мое страданіе, усугубляетъ мои силы.

Лежу, крѣплюсь, считаю часы и минуты, измѣряю ими пространство, скучаю однообразіемъ пустыни, жажду покоя.

Наконецъ, къ величайшей отрадѣ моей, въ три часа и тридцать минутъ послѣ полудня поѣздъ мой

властные старцы и отправились съ нами за городъ. Напрасно я уговаривалъ одного изъ нихъ, девяностолѣтняго инока Симеона, остаться дома: онъ не послушалъ меня. Любовь его умастила мою душу. Онъ познакомился со мною въ Сирійскомъ городѣ Триполи, въ Ноябрь 1843 года.

Скоро промчались мы на проворныхъ ослахъ за ворота Каира и прибѣжали къ мѣсту, называемому Биркетъ Ель-Хаджъ, что значитъ, прудъ поклонниковъ, гдѣ поджидалъ меня расторопный переводчикъ мой Коптъ Ибрагимъ въ кругу навьюченныхъ верблюдовъ. Тутъ я простился съ добрыми старцами. Наше прощаніе было молитвенное, братолюбивое, сердечное, съ святымъ лобзаніемъ.

Наступилъ осьмый часъ по полуночи. Я со спины одного наклонившагося Бедуина влезъ на высокаго верблюда, и легъ въ финиковой плетенкѣ подъ полотнянымъ навѣсомъ, привязанной поперекъ сего пустыннаго животнаго. Старцы еще разъ простились со мною; и поѣздъ мой двинулся по дорогѣ поклонниковъ, (Дербъ ель-Хаджъ). Было вѣтренно и холодно.

Лежу. Подо мною тяжелый верблюдъ ступаетъ и сильно мечетъ меня то въ одну, то въ другую сторону, какъ воду въ кожаномъ мѣху. Мнѣ больно; а не знаю, какъ облегчить свою боль. Хватаюсь руками за обручъ плетенки; но руки отрываются отъ него. Сажусь на край ея и кладу ноги на шею вер-

блюда: но голова моя стучится о твердый навѣсъ. Дала мнѣ знать себя вербложья ходьба! что шагъ, то боль!

Поѣздъ мой тянется гусемъ, и то — искривляется, то — выпрямляется. Сѣдоки качаются взадъ и впередъ. Холодный и рѣзкій вѣтеръ бушуетъ въ пустынѣ и мчитъ по землѣ густой туманъ. Крупный песокъ сбьетъ лице. Камешки хрустятъ подъ тяжелыми, но мягкими ступнями верблюдовъ. А мнѣ больно. Колыхаюсь, крѣплюсь, молчу, терплю и наблюдаю надъ собою и надъ тѣмъ, что вижу.

Плодородныя поля, нивы и сады за нами; мертвенная пустыня передъ нами. Смотрю вдаль и вижу лишь песчаные бугры на песчаной равнинѣ, усѣянной разноцвѣтными камешками.

Страдаю и чувствую свое страданіе. Душа, какъ соглядатай, видитъ судорожное движеніе тѣла и подкрѣпляетъ его силою воли своей.

Вспоминую Агарь и Измаила, томившихся въ пустынѣ, Ревекку, Лию и Рахиль, путешествовавшихъ на верблюдахъ; и это воспоминаніе служитъ мнѣ укоризною въ малодушіи, облегчаетъ мое страданіе, усугубляетъ мои силы.

Лежу, крѣплюсь, считаю часы и минуты, измѣряю ими пространство, скучаю однообразіемъ пустыни, жажду покоя.

Наконецъ, къ величайшей отрадѣ моей, въ три часа и тридцать минутъ послѣ полудня поѣздъ мой

остановился на ночлегъ въ самомъ началѣ равнины Ел-Мыгрехъ. Бедуины тотчасъ поставили и укрѣпили мою кушу. Я ринулся на походную кровать и чувствовалъ, что у меня нѣтъ силъ и для отдыха; такъ я измучился.

Вечерняя прохлада не много укрѣпила меня, а любопытство вызвало изъ кущи. Смотрю вокругъ и вижу одинъ песокъ и кое-гдѣ зеленыя кочки: ихъ неохотно ощипываютъ верблюды, и частенько поглядываютъ на таборъ нашъ, какъ будто что-то манить ихъ къ намъ. Въ самомъ дѣлѣ Бедуины приготавливали для нихъ лакомую пищу, зеленый, сухой горохъ, накладывая его пригоршнями въ торбы. Какъ только они кончили это дѣло и позвали верблюдовъ къ ужину, крича имъ, таале, т. е. поди сюда: эти горбуны, одинъ за другимъ, рысью прибѣжали въ таборъ, и каждый изъ нихъ съ замѣтнымъ услажденіемъ всунулъ рыло въ свою торбу, скорехонько подогнулъ свои ноги и началъ жевать сладкій горохъ, не торопясь и соблюдая всю благопристойность верблюжью.

Вѣтеръ утихъ. Солнце закатилось. На небосклонѣ, во всѣхъ точкахъ видимаго сліянія его съ землею, появилось радужное кольцо, но поблестало лишь нѣсколько минутъ, и начало тускнеть, тускнеть, и вдругъ исчезло. Его похитилъ сумракъ. Тогда Бедуины развели пищеварные огни. Ихъ зарево отразилось на смуглыхъ лицахъ и придамо имъ особен-

ную выразительность. Я подошелъ къ симъ чадамъ пустыни. Смотрю: одни изъ нихъ мѣсятъ тѣсто, другіе готовятъ изъ него опрѣсноки, третьи посощками уравниваютъ прогорѣвшіе угли и, нагребая на нихъ горячую золу, пекутъ подъ нею эти лепешки. Когда онѣ были готовы; всѣ Бедуины сѣли кружкомъ и за скуднымъ ужиномъ начали разговаривать по своему. Къ нимъ подошелъ верблюженокъ и протянулъ свою курчавую шейку въ ихъ кругъ. Бедуины ѣдятъ и говорятъ: а онъ смотритъ и слушаетъ, какъ будто понимаетъ ихъ рѣчи.

Угасли пищеварные огни. Засвѣтились звѣзды на небѣ. Чистъ ихъ блескъ въ пустынѣ; пріятно его отраженіе. Синія бездны неба приманили къ себѣ мою душу; и она вмѣстѣ съ умными Силами начала славить и величать всемогущество, премудрость и благость Бога всевышняго и вѣчнаго.

Было дивное безмолвіе на небѣ и въ пустынѣ. Было велие спокойствіе въ душѣ моей. Въ таборѣ всѣ спали мирно и сладко. Близъ моей кущи зеленой лежали полукругомъ десять сѣделъ; и противъ каждаго изъ нихъ тихо спалъ верблюдъ, протянувъ длинную шею по остывшему песку. Я прислушивался къ ихъ дыханію. Оно сопровождалось шипѣніемъ.

Наконецъ сонъ одолѣлъ и меня.

20, Пятница.

Онъ укрѣпилъ мои силы.

Предъ восходомъ солнца верблюды пошагали. Я пошелъ позади ихъ. Казалось, они двигались медленно; но я едва едва поспѣвалъ за ними. Куда мнѣ ровняться съ верблюдомъ въ ходьбѣ? Въ одинъ шагъ сего пустыннаго хода укладывались мои два и три шага; да и широкія ступни его не тонуть въ песокъ, а только оставляютъ на немъ легкое впечатлѣніе подошвъ и раздвоенныхъ ногтей: мои же узкія стопы вязли въ немъ непрестанно и запинали ходъ мой. Трудно было идти; отъ верблюдовъ пахло не хорошо; въ горлѣ сохло, во рту накопала горечь. А лечь въ плетенку не хотѣлось.

Минулъ шестый часъ дня. Я ускорилъ шаги свои; и спутники, хотя — не хотя, шли за мною торопко. Ибо таковъ обычай на Востокѣ: когда старшій въ караванѣ идетъ пѣшкомъ, тогда и всѣ зависимцы отъ него не смѣютъ идти на чужихъ ногахъ.

— Отецъ мой! Не пора ли намъ садиться на верблюдовъ? До ночлега далеко; пѣшіе не дойдемъ: сказалъ мнѣ Ибрагимъ.

— А! Ты усталъ.

— Переводчикъ никогда не долженъ уставать совѣтовать господину своему все, что ему пріятно въ новомъ пути.

— Но мнѣ весьма непріятно садиться вотъ въ эту плетенку, и перекидываться въ ней съ боку на бокъ. Я лучше пойду пѣшкомъ.

— А кто вамъ присовѣтовалъ ѣхать такъ на верблюдѣ?

— Признаться, самъ я выдумалъ этотъ способъ. Мнѣ казалось такъ лучше, покойнѣе.

— Помилуйте! никто не ложится поперекъ верблюда на ходу. Такъ нельзя сохранить равновѣсія въ тѣлѣ.

— Что же мнѣ дѣлать?

— Садитесь на моего Эджина. Онъ идетъ легко и спокойно. Только не шевелите бумагою. Когда онъ услышитъ шелестъ ея, испугается, бросится къ сторону; и вы упадете.

— Спасибо за предостереженіе. Но ты же какъ поѣдешь?

— Я сяду въ вашу плетенку.

— Да она разобьетъ тебя.

— Попытаюсь и, если будетъ несносно, возьму легкаго верблюда изъ-подъ вьюка а, вашего тяжелаго нагрузимъ.

Я послушалъ добраго совѣтника и сѣлъ на Эджина. Онъ пошелъ, словно конь. Мнѣ было хорошо. Легкое наклоненіе взадъ и впередъ показалось даже пріятнымъ послѣ вчерашнихъ толчковъ. Тутъ я испыталъ, что ѣзда на хорошемъ верблюдѣ не такъ тяжела, какъ говорятъ о ней, и поставилъ себѣ за правило путешествовать въ каждой странѣ по примѣру ея жителей. А переводчикъ мой хотя и страдалъ жестоко въ моей плетенкѣ, но не покидалъ ее, какъ будто хотѣлъ доказать, что у него терпѣнья не менѣе моего.

Свыкшись съ ѣздою на верблюдѣ, я сидѣлъ на немъ смѣло и поворачивался во всѣ стороны. Около меня были вода и ѣда.

Въ равнинной пустынь ел-Мыгрехъ было не жарко и весьма тихо. Лишь изрѣдка ощущалось легчайшее движеніе успокоеннаго воздуха съ тихимъ гуломъ и свѣжимъ вѣяніемъ.

Эта пустыня есть обширная и ровная плоскость, возвышающаяся надъ поверхностію Нила на нѣсколько сажень. Путникъ, проходя ее въ прямомъ направленіи отъ Запада къ Востоку, ничего кромѣ песку не видитъ предъ собою налѣво; а справа взоръ его пересѣкается низменнымъ кряжемъ горы Мыгрехъ ел-Вѣбера, изъ-за котораго выглядываетъ гора Гарбáнь. Яркій свѣтъ солнца обливаетъ эти желтотемноватыя высоты. Вся поверхность Мыгрехской пустыни усѣяна камешками, по большей части, кремнистыми, разной величины и разнаго рода и цвѣта. Впрочемъ отливъ черный господствуетъ на всемъ пространствѣ. Здѣсь намъ не рѣдко попадались голые остовы верблюдовъ. Смерть поспѣваетъ вездѣ. Изъ городовъ и селеній, съ морей и рѣкъ, изъ лѣсовъ и съ полей она заходитъ и въ пустыни, и тутъ поѣдаетъ свои жертвы. Страшно думать о ней тамъ, гдѣ утробы гіэнъ и шакаловъ служатъ гробами.

Не помню, во сколько часовъ мы доѣхали до мѣста, называемаго Даръ ел-Хамра, на которомъ поклонники, ѣдущіе въ Мекку изъ Каира, останавливаются на ночлегъ. Тутъ одиноко стоитъ колючая акація и даетъ слабую тѣнь. На ней я замѣтилъ ветошки. Онѣ означаютъ, что вблизи находится мо-

гила какого-то правовѣрнаго, умершаго на пути къ гробу Магомета. Одно живое дерево растетъ въ этой пустынь, да и то служитъ надмогильнымъ памятникомъ. Не залюбуешься въ такихъ мѣстахъ: за то сосредоточиваешься въ себѣ самомъ и размышляешь, или творишь святую молитву.

Отъ Даръ ел-Хамра мы ѣхали около полутора часа до приземистой насыпи, сдѣланной при копаніи колодца, который называютъ Биръ ел-Батръ. По словамъ Лепэра этотъ колодець начали рыть въ 1676 году. А Буркхардтъ (1815) замѣтилъ, что нѣкто Али Бекъ, приказавъ копать его, и въ глубинѣ двухъ сажень съ половиною не нашедши воды, оставилъ неблагоприятную работу. При мимолетномъ взглядѣ на это мѣсто, я вспомнилъ пророческое слово о *кладенцахъ сокрушенныхъ и безводныхъ*, съ которыми сравнены лжеучители. И въ наше время многіе мыслители подобны этимъ кладезямъ. Ихъ мудрованія, по видимому, глубоки. Ищешь въ нихъ истины, этой живой воды, утоляющей жажду духа, но не находишь и чувствуешь одно распаленіе ума, крушеніе сердца и внутреннюю тоску. То ли дѣло вѣра, внушенная матерію и привившаяся къ душѣ въ часы коленнопреклонной молитвы, совершаемой, бывало, на одной половой доскѣ съ нею. Съ этою вѣрою не вжаждешься во вѣки. Безъ ней я не доѣхалъ бы до ел-Батра, и воротился бы изъ

безводной и знойной пустыни, пролегающей между Ниломъ и Чернымъ моремъ

Вѣра есть могущественная сила. Ею превозмогаешь всѣ неудобства и неприятности на трудномъ пути къ святому мѣсту; а молитвою вѣры и священными воспоминаніями услаждаешь ихъ горечь.

Отъ ель-Батра до Уади Хуфѣйри мы ѣхали около двухъ съ половиною часовъ, подвигаясь непримѣтно къ низменнымъ воскрыліямъ горы Мыгрехской. Эта Уади, т. е. широкое и плоское русло изсохшаго дождеваго потока съ зеленою пажитію для верблюдовъ, по увѣренію Арабовъ, простирается до селенія Бельбеисъ въ сѣверо-западно-западномъ направленіи. Въ нее впадаютъ другія мелкія русла, по коимъ дождевая вода течетъ въ область Шуркійскую, — древній Гессемъ, гдѣ сыны праотца Іакова пасли стада свои. Въ Хуфѣйри дорога поклонниковъ, по которой мы шагали, совпадаетъ съ другою стезею, ведущею изъ Каира въ Суэсъ и называемою Дербъ ел-Анкебіэ. Наши проводники хотѣли-было ночевать въ этой Уади; но я, желая поспѣть завтра въ Суэсъ, приказалъ имъ подвинуться ближе къ горѣ Авейбидъ, которая высилась предъ нами на лѣво. Поѣздъ мой потянулся далѣе. Верблюды на ходу жадно ощипывали тернистыя кочки полузеленые, полуопаленныя солнцемъ. Прошелъ еще часъ съ небольшимъ въ пути; и мы расположились ночевать на мѣстѣ, называемомъ Реджумъ Еш-Шаугиріэ, по имени не-

большаго племени Бедуиновъ, которое живетъ у Каира въ Кайдъ-Бегъ и держитъ множество верблюдовъ. Эти Бедуины въ 1815 году провозили тутъ кофе изъ Суэса въ Каиръ, и были ограблены и побиты другими братьями ихъ по пустынѣ.

Минула половина четвертаго часа по полудни, когда Синайскіе арабы водрузили мою кущу. Стало быть, я сегодня ѣхалъ въ теченіи десяти часовъ, но не утомился много. А переводчикъ мой едва дотащился до ночлега уже пѣшіи. Его разбило въ моей плетенкѣ. Рѣшено было взрубить ее и сжечь.

Солнце въ пустынѣ, склоняясь къ западу, палитъ болѣе, нежели въ полдень. Ибо раскаленные горы и пески увеличиваютъ жаръ его и блескъ. Я укрылся отъ него въ своей кущѣ, и на походной кровати терпѣливо ожидалъ прохлады вечерней. Разгоряченная кровь волновалась во мнѣ. Тяжелые вздохи часто вылетали изъ груди и воздымали мои руки, покоившіеся на ней крестообразно. Я могъ произносить только самую краткую молитву: Господи помилуй. Эта молитва въ пути и послѣ пути по знойной пустынѣ, дивно какъ, соразмѣрна съ нашею немощію! А Богъ и эту искру души видитъ такъ же, какъ и пламень ея.

Предъ закатомъ солнца я потребовалъ чаю, и велѣлъ налить въ самоваръ Нильской воды, запасенной въ бутылкахъ. Но она была такъ горяча въ нихъ и издавала такой неприятный запахъ, что нельзя

было пить ее: а въ двухъ бочкахъ и въ кожаныхъ мѣхахъ была гораздо свѣжѣе. Тогда еще разъ я понималъ, что въ путешествіяхъ надобно сообразоваться во всемъ съ обычаями, приемами и порядкомъ жизни тѣхъ туземцевъ, страну которыхъ проходишь волею, или неволею. Городское умничанье не остается безъ наказанія въ пустынь. Пусть этотъ случай послужитъ урокомъ для другихъ.

Послѣ чаю я пошелъ любоваться камешками здѣшной пустыни. Многіе изъ нихъ очень красивы. Круглота ихъ въ безводномъ мѣстѣ доказываетъ, что въ такомъ видѣ они образовались сами собою. Между ними попадались мнѣ такіе, которые очень похожи на мячи, грибки, и булки. Я наполнилъ ими свои карманы и, воротившись въ кушу, подаль дочаду своему Ивану половину бѣлой каменной булки. Онъ обманулся бы разительнымъ сходствомъ, если бы не чувствовалъ большой тяжести пустыннаго хлѣбца.

Солнце позади западъ свой. Чистое небо голубое, во всѣхъ точкахъ видимаго слиянія его съ землею, препоясалось радужною лентою. Я любовался этою разноцвѣтною тканію и говорилъ самъ себѣ: «справедливо небошественный Апостоль назвалъ Бога отцемъ всякія утѣхи; ибо не только слово его, не только благодать его, но и вся природа радуется чадъ его своими прекрасными явленіями.» Ненаглядный поясъ небесный развился на короткое время и скрылся подъ лазурвою ризою Бога, устьяною

звѣздами. Я началъ читать псаломъ: благослови душе моя Господа. Господи Боже мой возвеличился еси зѣло: во исповѣданіе и въ велѣпоту облелся еси. Одѣйся свѣтомъ, яко ризою, простирай небо, яко кожу.... При этихъ словахъ взоръ мой устремился въ глубь звѣзднаго неба; и я не могъ продолжать молитвеннаго псалма, погружившись въ созерцаніе славы Божіей, которую повѣдаютъ небеса. Живое пониманіе всемогущества, премудрости и благодати Творца и Вседержителя, возбуждало во мнѣ чистѣйшія чувствованія: изумленіе, благоговѣніе, смиреніе предъ Нимъ и любовь къ Нему — подателю жизни и безсмертія. Я стоялъ какъ бы въ храмѣ. Надъ самымъ темнемъ горы Авейбидъ блестя полярная звѣзда, словно лампада вверху иконостаса. Разныя созвѣздія украшали небесную твердь, какъ святые образа — церковь. Сквозь мерцанія млечнаго пути видны были многія свѣтила. Онѣ горѣли, какъ свѣчи предъ ликомъ Ветхаго денми. Темносиній сводъ неба знаменовалъ мнѣ непроницаемыя судьбы Божіи. Я поручилъ себя провидѣнію Вседержителя.

Было тихо въ пустынь, освѣщенной звѣздами. Вдали отъ нашего кочевья горы Авейбидъ и Атага бугрились, какъ темныя волны. Моя куша бросала длинную тѣнь. Близъ проводниковъ моихъ полудикій осель, котораго Синайскіе отцы вели въ монастырь свой для работы на мельницѣ, рылъ борзымъ копытомъ песокъ и потрясалъ желѣзною цѣпью, которою

привязали его къ сѣдлу, какъ будто хотѣлъ найти въ землѣ воду, чтобы утолить свою жажду. Арабы давали ему пить изъ деревяннаго корытца; но онъ отворачивался отъ нихъ. Дикое упорство его поразило меня. Своенравный, онъ хотѣлъ лучше терпѣть жажду, нежели принимать питье отъ чело-вѣка, который оковалъ дикую свободу его. Этотъ онагръ спокойно озирался во всѣ стороны, какъ будто замышлялъ бѣгство и разгульную жизнь въ обширной пустынѣ. Бедуины, подкрѣпивъ свои силы хлѣбомъ насущнымъ, шумно разговаривали по своему, пошевеливая посошками утوخающее огнище. Два Синайскіе старца молились безмолвно. Да усладится бесѣда ихъ съ Богомъ живымъ! Я еще разъ поручилъ себя провидѣнію Божию.

Такъ прошелъ вторый день мой въ пустынѣ.

21, Суббота.

Утромъ въ семь часовъ все было готово къ отъѣзду. Верблюды, поднявъ свои тяжести, перестали ревѣть. Я пошелъ за ними позади ихъ погонщиковъ. Въ движеніи была и мысль моя. «Верблюды, думалъ я, созданы Творцемъ въ шестый день міра и опредѣлены на службу чело-вѣку въ песчаныхъ пустыняхъ. Значитъ, эти пустыни нужны намъ. Для чего же онѣ распре-дѣлены на поверхности земли?

Вѣроятно для сосредоточенія большаго жара, дабы онъ оттуда волнами разливался въ разныхъ направ-леніяхъ и, производя теплые вѣтры, умѣрялъ хо-лодь странъ полунощныхъ. Богъ сотворилъ все премудро на пользу чело-вѣка. А духъ чело-вѣческой, кромѣ многихъ другихъ потребностей, имѣетъ неодолимое стремленіе къ усовершенію себя въ тиши и уединеніи. Итакъ ему нужна пустыня: и Богъ далъ ему не одну. Изъ пустынь принесены наро-дамъ вѣрованія и законы. Въ пустыняхъ процвѣли, какъ крѣны, Моисей, Илія, Іоаннъ предтеча, Анто-ній великій, Василій великій, Іоаннъ Златоустый, св. Евѣимій, св. Савва, Іоаннъ Дамаскинъ. Въ пу-стыняхъ развиты были самыя высшія силы чело-вѣческаго духа, какъ то: созерцаніе Бога, прозрѣ-ніе въ будущность, видѣнія, чудодѣйственность. На-конецъ, въ пустыняхъ люди укрывались отъ неправ-ды и злобы своихъ братій».

Думая такъ, я шелъ легко. Утро было прохлад-ное. Солнце неумоимо катилось по небу голубому. Верблюды терпѣливо несли мою рухлядь и людей туда, куда велъ меня Богъ. Арабы напѣвали одно-тонныя пѣсни, соразмѣряя тактъ ихъ съ ходомъ пустынныхъ животныхъ. Звуки въ воздухѣ слыша-лись и шаги на пескѣ напечатлѣвались въ однѣ и тѣже мгновенія. Верблюды хотя и корноухи и хотя сами ревутъ отвратительно, но любятъ слушать на-пѣвъ чело-вѣка. По этому я судилъ, что голосъ нашъ

не мало способствовалъ къ обузданію животныхъ и къ покоренію ихъ нашей волѣ.

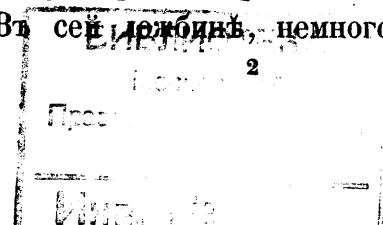
Спустя часъ съ небольшимъ послѣ отъѣзда отъ ночлега мы дошли до мѣста, гдѣ дорога поклонниковъ совпадаетъ съ стезею Басатинскою, ведущею изъ Каира въ Суэсъ южнѣе. Тутъ у подошвы горы Авейбидъ дождевыя воды раздѣляются: однѣ сбѣгаютъ на западъ къ Нилу, а другія на востокъ къ Чермному морю. Стало быть, это мѣсто есть самое возвышенное. Отъ Нила поднимаешься къ нему нечувствительно. Тутъ я сѣлъ на своего верблюда. Вдругъ послышался тончайшій и нѣжнѣйшій голосъ какой-то птички. Онъ несся съ каменистой горы Авейбидъ. Пернатая пустыница не пѣла, а свистала протяжно, однимъ тономъ и съ разстановкой. Что она выражала такимъ звукомъ? Незнаю. Одинъ Богъ вѣдаетъ чувствованія птицъ небесныхъ. А мнѣ такой голосъ крылатушки показался благовѣстомъ, призывающимъ путника къ молитвѣ. Я вспомнилъ стихъ псаломщѣвца: «на горахъ птицы небесныя превитаютъ: отъ среды каменія дадутъ гласъ»: и началъ пѣть тихо псаломъ: Благослови душе моя Господа, и вся внутренняя моя имя святое его и проч.

Распѣвая его, я зорко всматривался въ мѣстность. Мы шагали между двухъ горъ, Авейбидъ и Атага, въ нетѣсной, но и не широкой долинь, по взволнованной поверхности. Все это мѣсто, обѣ горы

и ихъ отрасли составлены изъ известковаго раствора и совершенно обнажены. Казалось, мы проходили по длинному храму, недоконченному и непокрытому, котораго стѣны, сѣверная и южная, еще ничѣмъ не украшены. Гора Авейбидъ, тянущаяся съ запада на востокъ, низка, а противоположная ей Атага стоитъ, какъ исполинъ могучій, плечистый, ребристый и грозный. Эта гора есть сложность темно-известковыхъ скалъ съ примѣсью кремнистаго хряща, кои разнообразно и вычурно высятся одна надъ другою, составляя одно ненаглядное цѣлое. Она рѣзко отдѣляется отъ смѣжныхъ холмовъ и пригорковъ, и въ сравненіи съ блѣдною окрестностію окрашена густотемно. Смотри на нее, я думалъ, что она-то и есть та гора Божія, къ которой Моисей просился у Фараона на трои сутки, чтобы тамъ принести жертву Іеговѣ вмѣстѣ съ Израильтянами. Дѣйствительно отъ Нила до ней три дня пути. Эта же гора есть тотъ Веельсепфѣнъ, при которомъ народъ Божій ополчился передъ чудеснымъ переходомъ чрезъ Чермное море.

Въ одиннадцать часовъ мы прошли поперекъ ложбины Емшашъ, которая съ своимъ русломъ тянется на сѣверовостокъ и, какъ говорятъ Арабы, огибааетъ крѣпостцу Аджрудъ съ сѣвера, и оттуда поворачиваетъ къ Красному морю и теряется въ прибрежной пустынь. Въ сѣверной ложбинѣ, немного

Первое Путеш.

выше помянутой крѣпости, на западъ отъ нее, есть колодезь, Биръ Емсашъ, будто бы съ порядочною водою. Съ дороги невидно его.

Минулъ полдень. Въ тѣснинѣ межъ горъ, раскаленныхъ солнцемъ, было чрезвычайно жарко и душно. Верблюды шли медленно. Гортань моя сохла. Силы мои изнемогали. Хотѣлось отдохнуть. Но отдыхаютъ ли въ раскаленной печи? Надлежало ѣхать далѣе. Стезя привела насъ къ невысокому отрогу Атаги, который лежалъ предъ нами поперекъ и, казалось, преграждалъ намъ дорогу. Въ этомъ отрогѣ искусственно сдѣланъ узкій проѣздъ межъ скалъ. Какъ этотъ проѣздъ, такъ и близъ лежащій, приземистый холмъ Арабы назвали мнѣ Ел-Мундуль. Я вспомнилъ библейскій Мигдоль, у котораго Израильтяне ополчились прямо противъ Веельсепфона (Атаги). Тутъ стезя, по которой ѣздить изъ при-нильскаго селенія Абузабѣль въ Суэсъ, сходится съ прочими тремя дорогами, какъ то: съ Хаджійскою, Анкебійскою и Басатинскою. Посему надобно думать, что Египтяне во время Моусея держали тутъ военную стражу, которая могла увѣдомить Фараона о движеніи Израильтянъ. Переводчикъ говорилъ мнѣ, что Мундульскій холмъ недавно служилъ засадою разбойниковъ Бедуиновъ; но Мегметъ-Али паша Египетскій успѣлъ выгнать ихъ оттуда. Проѣзжая мимо сего холма я замѣтилъ на немъ кучи камней. Онъ вѣроя-

тно суть остатки той древней стѣны, которую видѣлъ Пококке въ 1762 году *).

По выходѣ изъ Мундульскаго ущелія дорога въ Мекку стелется прямо къ сосѣдней крѣпости Аджрудской, а путь въ Суэсъ отклоняется правѣе на югъ. Тутъ взору представляется песчаное поле, которое постепенно понижается къ Чермному морю, разстилаясь у подошвы Атаги. Оно совершенно походить на тѣ пустыни, кои мы проѣхали. Тамъ-сямъ видны обнаженные приввеси, бугры и полосы солончаковые; но нѣтъ ни одного дерева, ни одного кустарника и ни какой зелени.

Аджрудъ, въ Еврейской Библии . Фихахиротъ, въ Славянской Придворіе (исход. 14. 2). т. е. пристанище путниковъ, есть небольшое четвероугольное укрѣпленіе. Тутъ мусульмане на пути въ Мекку ночуютъ и запасаются водою. Желая поспѣть въ Суэсъ, до котораго отъ Аджруда надлежало ѣхать еще четыре часа, я отложилъ обзоръ сей крѣпости до возвратнаго пути, тѣмъ скорѣе, что отъ несноснаго жара изнемогъ, да и склоненіе дня къ западу (на часахъ моихъ значилась половина третьяго), не позволяло медлить въ голой пустынѣ, гдѣ томила меня жажда и гдѣ зной изсушилъ всю влагу въ моихъ устахъ и очахъ. Опаленный, жаждущій, сляченный отъ продолжительной ѣзды, я едва едва дер-

*) Voyage de Richard Pococke T. 1. Paris. 1772.

жался на верблюды и ничего невидя ни пред собою, ни направо, ни налево. Помню только, что глотал такой жаръ, какого, кажется, никогда въ моей жизни не вдыхалъ и не выдыхалъ. Въ такой мучительной истомѣ пройдено было пространство трехчасоваго пути отъ Аджруда до колодца Биръ Суэсъ, находящагося въ маленькомъ укрѣпленіи. Тутъ меня сняли съ верблюда. Я едва стоялъ на ногахъ. Синайскіе старцы уговаривали меня провести ночь на этомъ мѣстѣ. Но я взглянулъ на Суэсъ, до котораго оставался одинъ часъ ѣзды; и ретивое подсаказало мнѣ: потерпи еще не много; завтра отдохнешь на чудесномъ поморьѣ. Увлечшись этимъ заманчивымъ внушеніемъ, я пожелалъ старцамъ доброй ночи и пошелъ пѣшкомъ впередъ, пока наши Арабы поили своихъ верблюдовъ, неохотно пившихъ соленоватую воду въ первый разъ по выѣздѣ изъ Каира. Сдѣлавъ свое дѣло, они обогнали меня. Переводчикъ совѣтовалъ мнѣ сѣсть на верблюда; но я не послушалъ его, воображая, что крѣпкая воля придастъ мнѣ силу на часъ, и поступилъ весьма неблагоприятно. Ибо верблюды, торопясь на видный имъ ночлегъ, пошагали довольно скоро; и я отсталъ отъ нихъ далеко. На половинѣ пути по мокрому и соленому песку мои силы исчезли. Отъ усталости и жажды я изнемогъ до такой степени, что упалъ на землю. Во рту ощущалась несносная горечь. Въ левой полости живота было больно. Я началъ кри-

чать, чтобы подвели ко мнѣ верблюда. Напрасно! Никто не могъ меня слышать. Ибо поѣздъ мой уже приближался къ Суэсу. Положеніе мое было затруднительно. Ни назадъ, ни впередъ! Не помню, сколько времени я пролежалъ въ соленой пустынѣ. Солнце закатилось. Сумракъ смѣнилъ свѣтъ. Мнѣ стало страшно. Страхъ придалъ мнѣ силу. Я всталъ и коекакъ, ворча, крѣпясь, молясь, добралъ до палатки, которую Ибрагимъ поставилъ на самомъ берегу Чермнаго моря, между Суэсомъ и холмомъ Кольсумскимъ. Онъ привѣтствовалъ меня съ благополучнымъ пріѣздомъ: а я упрекнулъ его за то, что онъ покинулъ меня одного въ пустынѣ, и легъ спать.
